

Свидетельство Моник, пережившей геноцид в Руанде

Когда началась война, я была дома: я не училась. У меня не было возможности поступить в государственную среднюю школу, а частную школу мои родители не могли себе позволить. Хотя я была достаточно взрослой, я не обращала внимания на этнические вопросы. У меня было пять старших братьев. Они также не смогли продолжить своё среднее образование и уехали в Кигали в поисках работы. Продавали одежду на главном рынке Кигали. Они были в Кигали, когда началась война, и все были убиты в Кигали. Я осталась дома с младшими детьми и моими родителями.

В моём районе убийства начались 10 апреля. Мне было пятнадцать лет. В тот день наши родители велели нам спрятаться в кустах на улице и подождать, чтобы узнать, что произойдёт дальше. Некоторые из наших соседей тутси уже были убиты. Среди них был мой учитель и его сыновья. Это произошло в тот день, когда мы спрятались. Убийства произошли ночью, поэтому день мы проводили дома, а каждую ночь – в кустах на улице.

18 апреля *интерахамве* напали на наш дом, когда я была в уборной. Наши уборные были не в самом доме, а снаружи. Я видела, что происходило, через окно. Они зарубили моих родных мачете и мечами. Я видела всё, но не могла вмешаться. Там было около сорока *интерахамве*. Я вернулась внутрь только тогда, когда они завершили то, что хотели сделать. Я увидела своих родных на земле: они все были мертвы.

Я хотела укрыться у семьи, которую знала. Они не хотели прятать меня, но я отказалась уходить. Они, наконец, согласились спрятать меня, и я пробыла в их доме две недели. Они прогнали меня, когда узнали, что боевики *интерахамве* убьют любого, кто прячет тутси.

Я отправилась к семье Жанны. Она была тутси и была замужем за солдатом. Я постучала к ним в дверь. Дверь открыла их домашняя работница и спросила меня, кто мне был нужен. Я ответила, что Жанна. Жанна подошла к двери, увидела меня и захлопнула дверь. Я осталась стоять перед их дверью, затем пришёл её муж. Он спросил меня, что мне было нужно, и я ответила, что хочу, чтобы Жанна меня спрятала. Он ответил, что его дом не укрытие. Он предложил мне пойти к контрольно-пропускному пункту, который находился около пятидесяти метров вверх по дороге оттуда. «Иди туда; всё, что тебе нужно, это чтобы тебя убили», – сказал он.

Он закрыл дверь и вернулся в дом. Я села на пороге дома, а через несколько минут он вернулся и сказал, что сам убьёт меня. Он взял свой пистолет и зарядил его, поэтому мне пришлось бежать. Я была удивлена поведению Жанны. Обычно она была со мной дружелюбна. Сейчас я иногда вижу её, но никогда не разговариваю с ней о том дне. Сама не знаю почему.

Я направилась в больницу, которая находилась в городе Ньянза. Села на улице. Не знала, что делать. Подошёл врач и спросил меня, что я тут делаю. Он попросил меня уйти. Он также велел мне идти к контрольно-пропускному пункту. Он всё ещё работает в больнице в Ньянзе. Я помню раненого ребёнка тутси, которому он отказался помочь. Он сказал, что им велели не лечить в больнице таких пациентов. Ребёнку все же помогла медсестра по имени Анастейша; она была тутси, и позже её убили. Солдаты и боевики *интерхамве* убили её и ещё одну женщину. Сначала их обеих изнасиловали, затем убили.

Я видела, как их забрали, чтобы убить. Это была среда. Я не помню дату, но знаю, что это было в начале мая. Мне удалось остаться в больнице. Я всегда избегала доктора, потому что он прогнал меня. В течение дня я оставалась с родственниками пациентов. Они помогали мне. Ночью они спали в комнатах со своими родственниками, и мне приходилось ночевать около больницы, на поле, на котором росло сорго. Однажды пришла девушка по имени Пелагия, которую наняли для уборки больницы, и сказала нам, что знает, что среди нас прячутся люди. Мы все это знали, но все молчали. Она ушла, а

через несколько часов пришли *интерахамве*. Я знала некоторых из них; у них были мачете, мечи, палки и дубинки.

Я увидела их, когда они были ещё далеко от больницы. Я решила сбежать к одной знакомой семье хуту. Это было рискованно, но я всё равно отправилась туда. К счастью, когда я прибежала, они согласились спрятать меня. Через две недели они мне сказали, что нам нужно ехать в Гиконгоро, потому что приближалась война. Я ответила, что не поеду с ними. Они уехали, и я осталась одна в их доме.

Многие убийцы бежали из региона. Мне удалось остаться в доме, пока меня не спасли. Меня забрали в лагерь в Ньянзе. В лагере никто друг друга не знал, но мы все были счастливы, потому что весь ужас закончился. В лагере нам давали еду и воду. Я пробыла там до тех пор, пока не встретила семью, которая была готова меня удочерить. Они жили в Кигали, и они помогли мне вернуться в школу. Я уже закончила учиться и живу в Кигали. У меня нет работы, но я надеюсь, что все будет хорошо, потому что Бог на моей стороне.

Сегодняшнее чтение свидетельств очевидцев посвящено 15-ой годовщине геноцида в Руанде и призвано выразить поддержку тем, кто выжил в этом геноциде, как Моник.